

На правах рукописи

КАЛИНИНА Галина Николаевна

Метаморфоз форм знания на границах науки

09.00.08 – Философия науки и техники

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора философских наук

Белгород – 2013

Работа выполнена на кафедре философии и истории науки
ГБОУ ВПО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

Научный консультант

Римский Виктор Павлович

доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты:

Розин Вадим Михайлович

доктор философских наук, профессор

ФГБУН «Институт философии РАН»

Финогентов Валерий Николаевич

доктор философских наук, профессор

ФГБОУ ВПО «Орловский

государственный аграрный университет»

Щавелев Сергей Павлович

доктор философских наук, профессор

ГБОУ ВПО «Курский государственный

медицинский университет»

Ведущая организация

ФГАОУ ВПО «Южный федеральный

университет»

Защита состоится 25 декабря 2013 г. в 12.00 на заседании совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.015.05 по философским наукам при НИУ «БелГУ» (308600 г. Белгород, ул. Преображенская, 78).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке НИУ «БелГУ» (308015 г. Белгород, ул. Победы, 85).

Автореферат разослан «___» _____ 2013 г.

Автореферат размещен на сайте: <http://www.bsu.edu.ru>.

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор философских наук

Е.А. Кожемякин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Очевидные деструктивные черты техногенной цивилизации, в которой наука играет роль инновационного социокода, служат достаточным основанием для эпистемологической программы выявления границ компетенции современного «гасио», анализа парадоксальных «достижений» научно-технического прогресса, вооружившего человечество арсеналом средств по самоуничтожению. К сожалению, мы не можем сказать, что процессы нравственного созревания человечества, как потребителя плодов познания, опережают наращивание научных и инженерных технологий. Следствием этого противоречия как показателя нравственной незрелости «вооруженного» интеллектом человечества становится вседозволенность «без берегов», отступление от принципа «не навреди» с вытекающими негативными издержками для сферы человеческой духовности и телесности. С учетом данных реалий проблематика границ знания (и не только научного) сопрягается с культурой рациональности и культурой границ, приобретая свою дополнительную актуальность на том основании, что речь идет о целостности человеческого бытия и познания, о нашем собственном отношении к миру и к самим себе.

Рефлексия границ науки и «другого» знания несомненно актуальна также для понимания того факта, что нет мира «чистой» науки и «чистого» рационализма: «мир науки» включает в себя в «снятом виде» все многообразие «других» форм знания (от мифа и теологических представлений, укорененных в предыстории человечества, до нетрадиционных, экзотических структур жизни и форм мышледеятельности). Наконец-то приходит понимание того, что «другие», «не чисто» рациональные формы знания и способы миропонимания столь же активно «чеканят» и выстраивают мир.

Заявившие о себе неклассические тенденции и подходы в области рефлексии науки, генерирования альтернативных форм знания на ее границах связаны с отходом от жестких позитивистских критериев

демаркации, с расшатыванием «перегородок» между наукой и «другим» знанием в направлении последующего слома этих барьеров. В этой связи для нас совершенно очевидно: в сегодняшних условиях кризиса классической методологии, утраты наукой единых методологических ориентиров и других «потерь» на эпистемологическом поле, любые попытки решения наболевшей проблемы «демаркационных линий» и границ, стереотипно упирающиеся в общепринятый гносеологический стандарт и апеллирующие к формальным критериям научности, по меньшей мере, наивны. Тем более, что эти критерии имеют не столько демаркационный, сколько нормативно-ориентирующий характер и важны преимущественно для развития науки в качестве позитивного идеала.

Ситуация методологической неустойчивости, наложившись на отсутствие ясности с универсальной методологической нормой (вплоть до ее целесообразности), поставила под сомнение оправданность самой демаркации и, тем самым, границ в сфере «наука – ненаука». Отмеченная нами острота момента актуализирует задачу анализа концепта «границы науки», нового философского и теоретико-методологического его прочтения. Тем самым, проблема границ науки и превращенных форм знания является актуальной не только с позиции философской рефлексии разума и необходимости выработки механизмов ограничения его компетенции. В конечном счете, ее актуализация и философская проблематизация связаны с необходимостью задать *кардинально иные* ориентиры современного научного знания, от которых, собственно, зависит выбор жизненных стратегий человечества – «здесь и сейчас». Отсюда вытекает наша принципиальная установка на *этическую рациональность* как на важный ограничительный механизм, который в совокупности с мерой социальной ответственности ученых встанет на пути упреждения деструктивных, антигуманных научно-познавательных стратегий XXI века.

Таким образом, выявляя аксиологические парадоксы, перипетии и приключения разума, метаморфозы знания на выходе к горизонтам

неклассической науки, мы рассчитываем, что предпринятая в духе проблемной напряженности этическая и философская рефлексия границ науки и «другого» знания окажется плодотворной для оптимизации процессов реальной гуманизации науки, разрешения дилеммы о возможном и допустимом в любом знании, невзирая на его «гносеологический статус», в пользу самоценности жизни как таковой. В этом состоит важнейшая интенция работы и ее актуальность.

Степень разработанности проблемы. В ходе раскрытия темы диссертационного исследования было выявлено отсутствие специальных фундаментальных трудов, посвященных анализу взаимоотношения науки и ненаучных форм знания в диахронном и синхронном измерениях, раскрытию сложного метаморфоза форм знания на границах науки. То же относится и к проблеме, которую мы пытаемся решить в данном исследовании: определение границ науки и превращенных форм знания с позиции *этической рациональности* как универсальной методологической нормы исследования.

Осуществляя историко-философскую и методологическую экспликацию внутренних и внешних границ науки мы опирались на труды великих классиков: М. Вебера, Г. Гадамера, Г. Гегеля, Э. Гуссерля, В. Дильтея, И. Канта, Э. Кьеркегора, К. Маркса, М. Хайдеггера, Ф. Шеллинга, А. Шопенгауэра, О. Шпенглера, К. Ясперса, из идей которых и выросла вся неклассическая концептуализация проблемы. С этой же целью нами были рассмотрены модели философии и науки, представленные в постпозитивистском дискурсе (Р. Карнап, Т. Кун, И. Лакатос, К. Поппер, П. Фейерабенд и др.); концепции представителей постаналитической и постструктуралистской философии (К.-О. Апель, Ф. Гваттари, Ж. Делез, Ж. Деррида, Х. Патнем, М. Фуко и др.).

В истории развития философской мысли проблема границы как «знание о незнании» или «знание незнания» (Г.-Г. Гадамер) рассматривалась в разных вариантах: как знание предела (Аристотель: «невозможно знать,

пока не дойдёшь до неделимого»); «учёное незнание» (Н. Кузанский), непознаваемая «вещь в себе» (Кант), «абсолютное знание» (Гегель). В исследовании экзистенциально-антропологических смыслов концепта «границы» существенную роль сыграли труды таких мыслителей, как В. Дильтей, С. Кьеркегор, Ж. Лакруа, Э. Левинас, Г. Марсель, М. Мерло-Понти, Э. Мунье, Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассет, Ж.-П. Сартр, Ф. Шлейермахер, К. Ясперс и др.

Онтологически-событийный смысл границы выявляется в трудах Э. Гуссерля, Э. Кассирера, Э. Фромма, М. Хайдеггера. К отдельным аспектам границы в контексте проблемы диалога, коммуникации обращались Г.С. Батищев, В.В. Бибахин, Г.-Г. Гадамер, В.Л. Махлин, А.В. Михайлов, О. Розеншток-Хюсси, А. М. Руткевич, З.А. Сокулер, Ю. Хабермас и др. Важные аспекты проблемы границ знания, веры и разума рассматривают многие современные исследователи: С.С. Аверинцев, Н.С. Автономова, Э. Агацци, А.С. Арсеньев, А.С. Ахиезер, А.В. Ахутин, Г.С. Батищев, В.С. Библиер, В.П. Визгин, М.П. Волков, П.П. Гайденко, П.С. Гуревич, Д.И. Дубровский, Л.В. Зинченко, М.С. Каган, И.Т. Касавин, М.С. Козлова, Ю.Г. Кудрявцев, В.Г. Кузнецов, В.А. Лекторский, И.К. Лисеев, Д.С. Лихачёв, Ю.М. Лотман, М.К. Мамардашвили, Л.А. Маркова, В.М. Межуев, И.П. Меркулов, Л.А. Микешина, Н.Н. Моисеев, В.В. Налимов, Д.В. Пивоваров, В.Н. Порус, Б.И. Пружинин, А.М. Пятигорский, В.Л. Раушенбах, В.М. Розин, А.Ю. Сторожук, Г.Л. Тульчинский, В.П. Филатов, В.Н. Финогентов и др.

Проблеме возможностей и границ научного метода в русле анализа постмодернистски ориентированной критики, анализу границ конкретных научных методов и дисциплин; объективности современного научного знания как наиболее острой проблеме в связи с появлением квантовой механики, посвящена коллективная монография ведущих эпистемологов и философов «Наука: возможности и границы. М., 2003» (Е.А. Мамчур, И.А. Акчурин, Л.Б. Баженов, В.В. Казютинский, Ю.В. Сачков,

В.А. Лекторский, Н.Ф. Овчинников, Е.Д. Смирнова, А.Ю. Савельников, Г.Г. Копылов, Р.М. Нугаев, О.Н.Голубев, А.Д. Суханов и др.).

Значительный вклад по выяснению особенностей науки как исторически определенной формы познания и духовного производства и по систематизации представлений о науке (и научности) был привнесён работами А.С. Арсеньева, А.Х. Власовой, Г.Н. Волкова, В.Н. Голованова, Ю.А. Жданова, М.М. Карпова, Б.М. Кедрова, И.Н. Лосевой, И.А. Майзеля, Е.З. Мирской, Ф.Т. Михайлова, Н.В. Мотрошиловой, М.Э. Омеляновского, А.В. Потемкина, Е.Я. Режабека, А.Г. Спиркина, Л. Хёлла и др. В разработке концепции науки советские исследователи этой формы знания исходили из вывода Маркса о том, что в условиях капитализма наука возникает и функционирует как «эластичная потенция» капитала, т.е. это знание в своей сущности есть производительная сила, добывается и существует в рамках того социального института, который называется «современной наукой». Анализируя достаточно укорененную тенденцию, когда современные представления о ныне существующей науке как особой форме познания накладываются на античный мир и его духовную культуру как сциентистская апперцепция, мы опирались на работы ряда авторов, в числе которых: Дж. Вернет, Т. Гомперц, А.Н. Егунов, Э. Кассирер, С.Н. Трубецкой, для которых характерно понимание античной (в том числе платоновской и аристотелевской) философии как «науки». Того же мнения (история науки начинается с философских трудов Платона и Аристотеля) придерживались и крупнейшие специалисты по истории античной мысли (Г. Дильс, В. Йегер, Э. Целлер и др.). В суммарном виде это представление о науке и ее генезисе («аргумент античности») точно выражено Дж. Бернетом и известной исследовательницей античной культуры О.М. Фрейденберг («Модернизация – ужасающая вещь»).

В обосновании тезиса о расширении понимания и границ знания как мира человеческой деятельности и общения для нас крайне важными оказались работы С.С. Неретиной, А.П. Огурцова, А.В. Потемкина,

М.К. Петрова; при анализе аксиологических парадоксов «альтернативной науки», «скользящих границ» между научным и вненаучным мышлением - исследования С.С. Гусева, В.Н. В.А. Лекторского, Е.А. Мамчур, В.Н. Поруса, В.М. Розина, Е.Л. Черняковой, С.П. Щавелева В обосновании аксиологических границ науки для нас актуальной оказалась идея «развивающейся гармонии» (В.Н. Сагатовский) как идеала человеческой деятельности относительно мира и самого человека, положенная в основу антропокосмического мировоззрения, способного дать стратегию решения глобальных проблем. Это позволило усилить философский компонент при анализе границ, горизонтов и культурных диалогов современного «рацио» и сферы его компетенции.

В попытках осмыслить специфику сосуществующих на границах постнеклассической науки альтернативных концепций (пропозициональная стандартная и социокультурная) и основных концептообразующих подходов к анализу и трактовке науки, мы сочли важным прибегнуть к ряду идей, реализованных в исследованиях А.П. Огурцова, а также взять за основу некоторые из подходов, намеченных в его последних работах и касающихся осмысления изменения норм коммуникации между учёными в эпоху Интернета, понимания новых перспектив философии науки XXI века, открывающихся в условиях современного общества. В русле анализа феномена коммуникативной науки и выявления границ коммуникаций и рассматривая лакуны, связанные с эпистемологическими и дисциплинарными разрывами, с возможным несогласованием и невозможностью согласия между различными научно-дисциплинарными дискурсами и между языком науки и языками общественности, мы прибегали к работам П. Галисона и др. Сюда же примыкают актуальные на этапе транснауки оригинальные идеи, лежащие в области транснаучных измерений биоэтики, соотношения биоэтики и гуманитарной экспертизы – они активно разрабатываются В.И. Моисеевым и представляют для нас особый интерес,

прежде всего, в связи с анализом концепта «границы науки» в современной философии науки.

Проблемы интеллектуального потенциала человечества, глобальных стратегий научного исследования решались такими авторами, как Дж. Бернал, П.Л. Капица, М. Корач, Дж. Нидам, Р. Оппенгеймер, Д. Прайс, Н.Н. Семенов, Р.Л.М. Синг, В.Н. Столетов, многие из которых в рамках проблемы расширения людских резервов науки прогнозировали состояние размытости (вплоть до полного исчезновения) границ между категориями людей, занимающихся наукой. Крайне полезными для нас оказались исследования, касающиеся анализа пространства мира человеческого познания, его отдельных форм и взаимодействия между ними, рассмотренные с точки зрения признания плюрализма и альтернативности современной культуры, а также культурособрающей функции науки и эволюции ее самосознания (О.А. Балла, С.С. Гусев, И.Т. Касавин, А.Н. Круглов, В.Н. Порус, В.М. Розин, М.А. Розов, Л.В. Стародубцева, Е.Л. Черткова и др.). Столь же полезным для нас стало обращение к критической программе М.М. Бахтина, выявляющей специфику и ограниченность традиционной эпистемологии и позволившей нам глубже осознать природу и место теоретизированного, «самозаконного» мира познания. Существенно дополнить характеристику глобального феномена науки в формах коммуникации, духовного производства и указать на важность современной «таймированной» проблематики позволили исследования М.К. Петрова (в частности, концепция тезаурусной динамики, объясняющая движение людей и идей в мире знаков) и его последователей.

Вместе с тем, в процессе анализа исследовательской литературы по теме диссертационной работы были выявлены определенные трудности, которые определяются рядом факторов. Во-первых, междисциплинарным и многоаспектным характером самой проблемы, объемлющей собой сферу науки и «другого знания» и обусловившей диахронную ширину историографического поиска. Так, объем современной литературы по данной

проблематике крайне велик уже сам по себе. С учетом же исторической динамики науки, смены идеалов научности, апелляции к разным типам наук в неклассической эпистемологии и философии науки она принимает неоднозначные трактовки в зависимости, скажем, от научной дисциплинарной традиции, философской школы или фокуса исследовательского интереса, вплоть до тех или иных авторских предпочтений.

Можно вычленить блок источников, где понятие «рациональность» трактуется достаточно широко, в культурно-историческом и философско-антропологическом контекстах, поднимаются проблемы, связанные с включением субъекта деятельности в схему рациональности и производства теоретического знания и культуры (работы Н.Ф. Апарина, А.С. Богомолова, Г.В. Драча, Ю.М. Забродина, Н.И. Жукова, А.В. Кезина, М.В. Курбатова, Л.Г. Малиновского, В.М. Межуева, Ф.Т. Михайлова, А.Д. Плисецкой, С.В. Ракша, Е.Я. Режабека, В.С. Степина, И.Б. Ушакова, М.А. Шабанова и многих других).

Налицо и активный поиск путей переосмысления фундаментальных положений традиционной картезианской эпистемологии, ввод пространственных и темпоральных, исторических, социокультурных параметров науки и рациональности (работы В.С. Библера, П.П. Гайденко, Л.А. Марковой, В.Л. Махлина, Л.А. Микешиной, И. Пригожина, Л.В. Пумпянской, Ф.Розенцвейга, И. Стенгерс и др.). Наконец, определенные сложности связаны с актуализацией целого ряда новых проблем в области неклассической эпистемологии. В данной связи многие российские философы (А.Ю. Антоновский, В.И. Аршинов, И.А. Герасимова, А.С. Карпенко, И.Т. Касавин, В.А. Колпаков, П.С. Куслий, Г.Д. Левин, Л.А. Микешина, А.П. Назаретян, А.П. Огурцов, И.С. Панкратов, В.Н. Порус, В.М. Розин, В.Н. Садовский, В.С. Степин, Д.С. Чернавский, И.В. Черникова и др.) подчеркивают факт серьезной трансформации классической эпистемологической парадигмы, признавая необходимость осмысления

нового типа философского, логического и научного мышления. Проблема границ междисциплинарного взаимодействия, поднимается в работах философов и эпистемологов (В.Г. Буданов, П.П. Гайденок, И.А. Герасимова, В.Г. Горохов, Е.Н. Князева, М.А. Плохова, Н.С. Розов и др.).

Важный аспект сложности анализа литературы связан с существенными изменениями в области теории и истории вненаучных форм знания, с расширением познавательной сферы, в которую наряду с научной проблематикой включается практически весь комплекс вненаучного знания, ранее находившегося на периферии исследовательских интересов и научного анализа (коллективные труды «Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М., 1990»; три тома антологии «Магический кристалл: магия глазами ученых и чародеев. М., 1992», «Знание за пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I-XIV веков. М., 1996» и многие другие). Широко представлена история взаимоотношений между наукой и ненаукой, с совокупным социокультурным окружением научной деятельности, с результатами критического анализа мистицизма и мифо-магического мировоззрения в работах В.В. Бибихина, М.А. Булатова, С.А. Васильева, А.Ф. Лосева, Т.П. Матяш, В.Н. Поруса, В.П. Римского, В.М. Розина, О.М. Фрейденберг и др.

Исследуя влияние исторического и социального контекста на развитие науки, его роль для понимания взаимозависимости когнитивных и социальных аспектов науки, отношений между наукой и обществом в широком плане, мы опирались на Д. Блура, и Э. Годмана, И.Т. Касавина, исследования В.А. Лекторского, С. Фуллера и др., радикально расширяющие предметную область науки, что дает возможность наряду с научным, вербализированным знанием, анализировать все когнитивное многообразие сознания, деятельности и общения. Особый интерес при анализе границ знания для нас составили активно заявившие о себе неклассические подходы, отрицающие естествознание, естественнонаучный, технократический

дискурс в качестве идеала науки, и утверждающие концепцию нетрадиционной науки (исследования В.М. Розина, прежде всего), признающие эффективность и гуманность «других» форм жизни и мыследеятельности.

Вместе с тем, в условиях сегодняшней активизации мистико-магических, деструктивно-религиозных форм мировоззрения, популяризации (отчасти и пропаганды) паранаучных знаний и практик критическое философско-научное изучение «других» форм знания нередко носит поверхностный, тенденциозный, а нередко и спекулятивный характер. Создается эффект скорее «скольжения по поверхности» проблемы, нежели желания проникнуть в ее суть. В результате образуется культурная и эпистемологическая ниша, которая заполняется книжной продукцией сомнительного качества, находящей своего массового потребителя и востребованной им. На таком неприглядном фоне последовательностью и концептуальностью теоретико-методологических подходов отличаются исследования А.Ю. Антоновского, А.Г. Асмалова, Н.П. Бехтеровой, В.Г. Буданова, Дж. Бэн-Дэвида, Г.Бехманна, Д. Блура, М.А. Булатова, И.А. Герасимовой, В.П. Горана, В.Г. Горохова, Н.К. Иконниковой, В.В. Казютинского, А.О. Карпова, Н.Н. Карпицкого, В.Н. Карпович, И.Т. Касавина, А.В. Кезина, В.В. Миронова, А.А. Пелипенко, М.А. Плоховой, В.Н. Поруса, В.И. Пржиленского, В.Л. Рабиновича, В.М. Розина, Ю.М. Сердюкова, Е.А. Сергодеевой, Н.М. Смирновой, Л.С. Сычевой, В.П. Филатова, В.Н. Финогентова и других отечественных авторов.

Следует отметить также затруднения, лежащие в сфере философско-методологического определения ненаучного, ненаучного, паранаучного знания, резонирующие широким диапазоном интерпретаций этих феноменов. Нередко вместо целостного их анализа исследователи делают крен в сторону концентрации усилий на изучении «отдельно взятых аспектов» (скажем, В.А. Кувакин анализирует парафеномены как научный и морально-

юридический императив; Н.П. Бехтерова и В.П. Казначеев рассматривают культурно-идеологические аспекты паранормальности и т.д.) Сюда же примыкает особо острая «тема» борьбы науки с «антинаучным мракобесием». По всей видимости, лейтмотив «борьбы» с лженаукой predetermined и излишне политизированный, идеологизированный дискурс целого ряда работ (Е.Б. Александров, М.В. Волькенштейн, В.Л. Гинзбург, С.И. Дорошенко, К.П. Иванов, В.П. Казначеев, П.И. Катинин, Э.П. Кругляков, В.С. Логинов, В.М. Найдыш и др.). Причем, часть авторов склонна к крайне радикальным мерам «разоблачения», «наказывания» «новоявленных пророков», «адептов лженауки, паранормальности и всякого рода чудес».

Разумеется, рассматриваемые исследователями аспекты и ракурсы данного проблемного поля ни в коей мере не исчерпывают всей полноты и сложности феномена границ науки, проявляющего себя в самых разных контекстах и смыслах. И это понятно: «великий ткач» время выявляет новые аспекты этой проблемы хотя бы уже потому, что каждая конкретная эпоха, опираясь на наработанный концептуально-методологический базис, вырабатывает и утверждает свое собственное понимание границ. На этапе современной философии науки концепт «границ науки» наполняется новыми неклассическими смыслами и содержанием, лежащими в понимании границ знания как предела, *меры возможного и допустимого* в способах познания и деятельности, как универсальной нормы исследования. Тем самым прежнее понимание границ знания и самой науки не отрицается огульно, а диалектически дополняется, одновременно становясь другим.

Таким образом, анализ степени разработанности темы диссертации позволяет судить о необходимости специальных философских работ, посвященных современному анализу границ науки и превращенных форм знания, выявлению сложного метаморфоза и механизмов их функционирования. Это подводит нас к необходимости, опираясь на

имеющийся концептуально-теоретический массив, восполнить выявленный пробел путем систематического диссертационного исследования.

Объектом диссертационного исследования является *взаимоотношение науки и ненаучных форм знания в диахронном и синхронном измерениях.*

Предмет работы – *внешние и внутренние границы науки, определяющие метаморфоз превращенных, ненаучных форм знания на границах науки.*

Цель работы состоит в выявлении *сложного метаморфоза знания на границах науки и определении границ науки и превращенных форм знания с позиции этической рациональности как универсальной методологической нормы исследования.*

Задачи исследования:

– выработать философское понимание и систематизировать логико-методологические определения научного, донаучного и ненаучного знания как превращенных форм, существующих в процессе самополагания науки и «другого» знания;

– реализовать анализ концепта «границы науки» в современной философии науки и обосновать необходимость его нового философско-методологического понимания и трактовки с позиций научно-этической рациональности;

– проследить сложный метаморфоз религиозно-мистического рационализма и веры в границах средневекового разума как религиозно-теологической и исторической предпосылки новоевропейской науки, а практический рационализм капитализма рассмотреть как конкретно-историческую (реальную) предпосылку и границу классической науки;

– выявить универсальное значение декартовского «*cogito ergo sum*» и сенсуалистической «*tabula rasa*» как эпистемологических границ человеческого познания, а гносеологические новации немецких классиков (Канта и Гегеля) обосновать как наиболее адекватную форму философской рефлексии новоевропейского научного рационализма;

– исследовать эпистемологические границы и генезис паранауки как маргинальной и превращенной формы знания на границах науки в историко-культурном и историко-философском контекстах;

– эксплицировать социальные границы и противоречия между сциентистско-технократической, задающей модель «человека технократического», и антисциентистской мировоззренческими ориентациями;

– определить онтологические и эпистемологические границы науки, «другого знания» и человека на выходе к неклассическим горизонтам науки, а понятие «самоценности жизни» и «status quo» обосновать в качестве высшего этического принципа и универсальной нормы научно-познавательной деятельности;

– исследовать коммуникативные границы и аксиологические парадоксы «альтернативной науки» как превращенной формы знания на этапе постмодерна, установить связи между самополаганием науки и генерированием альтернативных форм знания на границах с современной наукой.

Теоретико-методологические основы исследования. В основание теоретико-методологического исследования проблемы диссертационной работы были положены труды классиков западной и отечественной философской и историко-научной мысли, в которых ставились и решались проблемы науки и научной рациональности как социального и когнитивного феномена, разрабатывались основные классические и неклассические методологические парадигмы и модели понимания границ и горизонтов науки в онтологических и эпистемологических основаниях, в социокультурной динамике.

Основным методом работы послужил метод диалектики, понимаемый в рамках классической философии, поскольку он имеет дело с особым способом рассмотрения сущего в широком онтологическом, гносеологическом и культурно-историческом контекстах. К диалектическому

методу в его конкретизации примыкают метод сравнительного анализа, принципы восхождения от абстрактного к конкретному, сочетания исторического и логического, конкретно-всеобщего, эволюции и самоорганизации систем, формообразования и генерирования превращенных форм. Использовались также феноменологический и системный принципы, тезаурусный и контекстный подходы. Ведущей интенцией при выборе вспомогательных методов исследования явилось следование герменевтическому принципу.

Методологической идеей, посредством которой автор реализует свой подход, является категория «превращенной формы», руководствуясь которой достигается понимание ряда взаимосвязанных, бытийствующих на границах науки донаучных, вненаучных, паранаучных и «других» феноменов как «превращенных форм знания». Специфика категории «превращенная форма» сделала уместным ее использование в качестве универсального «рабочего механизма» по осуществлению историко-научной и методологической экспликации границ науки и «другого знания» (ненаучных форм знания), проходящих через ряд форм (метаморфозов) в своем развитии; применение ее не только для исследования разного рода псевдопредметностей, превращенных и извращенных форм как вполне закономерных, нормативно-органических продуктов самополагания систем, но и для рассмотрения «превращений» в качестве деструктивных формообразований.

Все вышеуказанные методологические практики и подходы работают в нашей диссертации с позиций диалектики, что позволяет в надлежащей целостности и полноте осуществить анализ пределов возможного и допустимого в науке и на данной основе высветить внутренние и внешние границы и горизонты науки, исследовать механизмы превращенных форм знания.

Новизна представленного *научного направления* в решении крупной философско-теоретической проблемы обусловлена ее решением на пересечении классических и неклассических методологических парадигм

анализа науки и ее границ в онтологических и эпистемологических основаниях. Данный подход позволяет обосновать возможность толерантного взаимодействия между различными научно-дисциплинарными дискурсами и эпистемологическими практиками в горизонте научно-этической рациональности, исходя из идеи единства и многообразия современного культурно-цивилизационного пространства. Инновационность работы состоит в том, что концепт «превращенные формы знания» отражает специфику конкретно-исторических способов самодетерминации, саморазвития и трансформации органических систем духовного производства, в которые включены процессы, связанные с метаморфозом различных форм знания и науки.

Научная новизна исследования конкретизируется в следующих результатах:

1. Выработано общее философское понимание и дана систематизация логико-методологических определений научного знания и донаучного, вненаучного как «превращенных форм», что позволило выявить сложный метаморфоз, механизмы их функционирования в различных культурно-исторических системах знания и осуществить рефлекссию самополагания науки и превращенных форм знания; показать *закономерность* и *универсальность* всех типов превратностей на стадиях от генезиса до гибели, развертывания и самополагания (метаморфоза) любых сложных систем.

2. Реализован анализ концепта «границы науки» в современной философии науки, в результате чего была выявлена ограниченность традиционных определений научного знания (и научности) только с позиции господствующей парадигмы познания и обоснована необходимость анализа границ науки с учетом других эпистемологических тактик, затрагивающих прежние онтологические схемы научной картины мира или даже противоречащих им.

3. Выявлены исторические и социокультурные предпосылки и границы генезиса науки, связанные со сложным метаморфозом мифологических,

религиозно-мистических ментально-когнитивных форм как превращенных, восполняющих замещений и видообразований на границах, разрывах и культурных диалогах античной рациональности, средневекового разума и веры, а также реформационного философско-теологического и капиталистического (практического) рационализма в диахронном и синхронном измерениях.

4. Прослежен генезис и гносеологические границы классической науки, что позволило объяснить декартовское «*cogito ergo sum*» и локковской «*tabula rasa*» как *главную рациональную оппозицию* и базисный принцип новоевропейской метафизической модели науки в социально-исторических границах первичной системы научного знания (естествознания) и тем самым показать универсальное значение данной оппозиции как онтологической и эпистемологической границы человеческого познания.

5. Исследованы эпистемологические границы и генезис паранауки как маргинальной и превращенной формы знания, т.е. подсистемы, мимикрирующей «под науку», имитирующей ее способы самополагания, что позволило философский иррационализм и формы радикального антисциентизма эксплицитировать в качестве культурно-антропологического и эпистемологического основания генезиса паранаучных образов на выходе к горизонтам неклассической науки, предложить диалогическую модель взаимоотношений в сфере «наука – паранаука».

6. Определены социальные границы и противоречия между сциентистско-технократической и антисциентистской мировоззренческими ориентациями, что позволило реализовать критику сциентизма как превращенной формы классической науки и обосновать перспективы выхода современных научных стратегий в сферу гуманитарно и гуманистически ориентированного дискурса.

7. Дана интерпретация онтологических и эпистемологических границ неклассической науки и «другого» знания, в ходе чего было выявлено противоречие между процессами наращиваемости научных знаний и

отставанием нравственного созревания человечества как потребителя науки, что позволило апеллировать к концепции нового понимания науки, ее роли в обществе и целостной системе человеческой деятельности, аккумулирующей в себе метафизические основания.

8. Рассмотрены и отрефлектированы коммуникативные границы и аксиологические парадоксы «альтернативной науки» как превращенной формы знания в условиях постмодернистской культуры, «размывающей» границы коммуникаций и науки, что позволило установить связи между самополаганием наукой собственных границ и генерированием альтернативных форм знания на границах современного научного дискурса.

Положения, выносимые на защиту:

1. Под «превращенными формами знания» мы понимаем не только и не столько формы мыслительного производства, знания и практики, в которых на разных этапах самополагания была представлена и отчасти производится сегодня наука и реализуются способы ее саморазвития в сложных культурно-исторических контекстах, сколько *донаучные и ненаучные (обыденные и т.п.), паранаучные, антинаучные и прочие («другие») формы ментально-когнитивного и рационального освоения мира.* Они, функционируя в системе общечеловеческого знания, обнаруживают себя в качестве самостоятельных «сущностей» в *любых типах* социально-исторических и культурно-цивилизационных систем, из чего вытекает закономерность и универсальный характер всех типов превратностей («эффект превращенности»).

2. Сегодняшние неклассические трактовки науки расширяют трактовку ее границ до пределов культуры, включающей опыт повседневности и широкую ненаучную сферу, хотя наука по-прежнему претендует на роль единственно устойчивого и «подлинного» фундамента культуры в ее первичном (деятельностном и технологическом) понимании, дает оценку «другим» формам знания (и феноменам) по результатам их соответствия общепринятому гносеологическому стандарту. Поскольку понятие «границ» отражает факт динамики и многогранной визуализации мира, постольку

необходимо приведение его эпистемологического статуса в соответствие с онтологическими основаниями знания, с учетом сегодняшнего расширения эмпирического базиса науки (это же касается понятия нормы – познавательного стандарта и нормы научности). Мы склонны к допущению, что в условиях наращивания интегративных процессов общее поле для рефлексии над научным познанием и границами науки (при невозможности их сохранения в «чистом» виде) возможно на основе идеи «всеохватного синтеза», укорененной в самой природе науки и резонирующей с новейшими тенденциями транснаучного этапа развития современного знания. В широком плане в проблеме границ, выливающейся в вопрос о возможностях и границах научного метода как такового, резюмируется способность фундаментальной науки решать экзистенциальные проблемы человечества.

3. Донаучные формы знания, являясь превращенными восполняющими замещениями на границах, разрывах и культурных диалогах античной рациональности, средневекового реформационного философско-теологического и капиталистического (практического) рационализма капитализма, выступали религиозно-теологической и исторической предпосылкой и границей генезиса новоевропейской науки, что в явном виде воплотилось в теоретической теологии и религиозной философии, где проблема движения знания рассматривалась как «история духа».

4. Декартовское «*cogito ergo sum*» и локковская «*tabula rasa*» выступают главной рациональной (эпистемологической) оппозицией, сформулированной в рамках субъект-объектной парадигмы метафизического мышления и базисным принципом новоевропейской рационалистической метафизической модели науки в социально-исторических границах первичной системы научного знания (естествознания). Универсальное значение декартовского «*cogito*» и сенсуалистического «*tabula rasa*» выявляется нами в качестве онтологической и эпистемологической границы человеческого познания. Наиболее адекватной формой философской рефлексии науки и границей новоевропейского научного рационализма стали

радикальные новации немецкой классики (Кант и Гегель), характерная критика которой в марксизме и позитивизме в последующем определила формирование социокультурных и философских предпосылок сциентизма как превращенной формы науки классического типа.

5. Применение механизма «превращенности» к анализу паранаучных дискурсов и практик позволило выявить паранауку в качестве *деструктивной превращенной формы*, то есть подсистемы, мимикрирующей «под науку», имитирующей ее способы самополагания и потому нередко мешающей «нормальному» существованию, жизнеобеспечению системы знания. Такие социальные извращения и иррациональные механизмы жизнедеятельности, дополненные непомерным идеологическим мифотворчеством и созданием на его основе ментально-идеальных монстров рационально-иррационального типа, образуют собою и пополняют наряду с другими «рядами» современной «паранауки» и «антинауки». В сегодняшних условиях кризиса классической методологии (утрата единых методологических ориентиров, разрушение системы методологического контроля и других негативных трансформаций) паранаука обрела важное «методологическое право» – апеллировать к факту условности и плюрализма научных норм. Тем самым эпистемологическая «оправданность» демаркации науки и ненауки (равно как и «оправданность» системы традиционной методологической научной критики «паразнания») ставится под сомнение. Одновременно сохраняется практика узурпации паранаучным консорциумом традиционного (но, не эпистемологического) авторитета науки для решения ряда актуальных социально-гуманитарных проблем и реализации нетрадиционных социокультурных технологий.

6. Философские концепции иррационализма и движение антисциентизма выступали и являются сегодня специфической интеллектуальной реакцией на крайности догматической сциентистской идеологии, выливаясь в антиномию «сциентизм – антисциентизм», эпистемологические основания которой находят выражение в воссоздании

современных образов и концепций науки и идеалов научности, в стратегии взаимодействия разных типов наук и идеалов научности, в основании которой лежит идея о взаимосвязанных сторонах социальности человека, участвующих в формировании существующей картины мира. Уточняя границы и противоречия между сциентистско-технократической и антисциентистской мировоззренческими ориентациями мы подчеркиваем признание собственно социальной природы науки, понимание социального компонента знания и самого «социального» как проблемы сложной детерминации знания. Отсюда, понятие «социальных границ науки» фиксирует норму представлений о науке и научности в обществе, оправдывая общественные представления о научном прогрессе и одновременно указывая на регулятивную роль науки с точки зрения ее способности найти человеку, как носителю культуры, свое место в мире.

7. На фоне сложившегося деструктивного типа деятельности человека по саморазрушению проблема *онтологических границ* науки, «другого знания» и человека переводится нами в плоскость сохранения «*statusa quo*» и «самоценности жизни», обретая значение меры, *предела возможного и допустимого* в науке и любом знании, не зависимо от его эпистемологического статуса. В данной связи перспективные стратегии научного поиска принципиально связываются нами с задачей изменения самой концепции понимания науки и ее роли в обществе, с преодолением негативной тенденции отождествления научного идеала с идеалом естественнонаучного типа, на деле задающего сегодня идеал науки и модель «человека технократического». *Эпистемологические границы* неклассической науки должны задаваться рациональностью открытого типа, признающей, что многообразные формы знания не столько отрицают, сколько дополняют друг друга на правах равноправных партнеров в освоении и объяснении мира. В условиях методологической неустойчивости, кризиса универсальной эпистемологической нормы особую роль мы отводим методологической культуре и методологическому сознанию – в значении

необходимого мировоззренческого и интегративно-прогнозирующего фактора на каждом новом этапе развития науки, извлекая уроки из ее претензий на универсальность и непогрешимость.

8. В русле «коммуникативного поворота» к анализу науки, кульминационной стадией которого выступает «риторический подход» (А.П. Огурцов), альтернативный пространственно-временным моделям исследования мира и трактующий науку как «нарратив», «повествовательный дискурс», *феномен альтернативной науки* понимается нами как коммуникация, «освещенная» контекстом коммуникативного, диалогического общения и взаимодействия, присущего природе науки, и нагруженного интенциональными смыслами, установкой на равноправное сознание «Другого». Научное знание оказывается направленным взаимодействием различных актов полагания смысла *на границах с другими смыслами*, достигнутыми через взаимопонимание в условиях диалогической коммуникации, а научное исследование понимается как коммуникативный процесс. *Альтернативная наука* – это специфическая реакция (внутри, и вне науки), как правило «протест», контридеология на наиболее одиозные формы организации науки и системы научного знания, на втягивание научного сообщества в систему и структуры легитимной власти. Ее формообразующим ингредиентом всегда выступает научное сообщество – тот межличностный пласт научных коммуникаций, где «обмен дарами» (М.К. Петров) стимулирует развитие науки, определяя ее социальную роль и живительную силу. Поскольку и «альтернативно-оппозиционная», и «государственная» наука работают на оптимизацию эвристического ресурса научного знания как основного двигателя прогресса, постольку допустима модель их обоюдного сосуществования как наиболее эффективная на этапе «коммуникативного поворота» и возрастания роли научных (и иных) коммуникаций. Аксиологические парадоксы альтернативного знания, апеллируют к рефлексии знания с позиции этической рациональности, сопряженной с

синергетическим мировидением. *Установка на этическую нейтральность* знания и науки неприемлема.

Теоретическая и практическая значимость исследования определяются актуальностью разрабатываемой проблематики и новизной полученных результатов в области современной философии науки. Данная работа открывает новое философско-теоретическое направление в разработке проблемы внутренних и внешних границ науки и превращенных форм знания. Полученные результаты ориентируют на выработку новых стратегий научного поиска. В определенной степени они могут способствовать разрешению сложной проблемной ситуации, сложившейся в современной теории познания и философии науки. Основные теоретические положения, выводы и результаты диссертационного исследования могут быть использованы при разработке концептуального и методологического аппарата философских и культурологических исследований когнитивных практик; применяться при изложении эпистемологической, онтологической морально-этической и культурологической проблематики в ходе чтения курсов по философским дисциплинам, а также при разработке соответствующих учебно-методических материалов.

Личный вклад автора диссертационной работы заключается в избрании ведущей методологической идеи «превращенной формы» как момента органических метаморфозов диалектического самополагания и развития систем духовного производства, в том числе науки как формы знания. Автор обосновал инновационные идеи в области фундаментальной проблемы границ научного знания, ее смещения в сферу диалоговой коммуникации и нравственных императивов научно-познавательной и творческой деятельности. Доказана необходимость пересмотра традиционной корпоративно-радикалистской модели «наука – паранаука» на переходе от сциентистских парадигм познания к более гибким, неклассическим моделям мышления. Новация резюмируется в допущении правомерности принципиально новой парадигмы «границ науки» и знания

как родового понятия, выходящих за пределы традиционных определений научности. Личный вклад диссертанта также состоит в обосновании теоретической и научно-практической значимости работы; в подготовке научных публикаций, отражающих ход и результаты исследования.

Апробация результатов исследования. Теоретические и методологические результаты работы над темой исследования обобщались в выступлениях и докладах диссертанта на научных форумах различного формата (период 2008-2013 гг.), из них наиболее значимые:

Всероссийская научно-практическая конференция «Российский интеллект: исторические судьбы и цивилизационные перспективы» (Саратов, октябрь, 2008); I Международная научно-практическая конференция «Город и наука: анализ рискогенных территорий» (Саратов, декабрь, 2009); Всероссийский симпозиум: «Общество риска и кризис постиндустриализма» (Саратов, май, 2009); Международная научная конференция «Философия Мартина Хайдеггера и современность» (Краснодар, октябрь 2009); Всероссийский культурологический конгресс «Креативность в пространстве традиции и инновации» (СПб., октябрь 2010); Международная научно-практическая конференция «Город: рискогенное пространство» (Саратов, апрель 2011); Международная научная конференция «Актуальные проблемы и современное состояние общественных наук в условиях глобализации» (Москва, июнь 2011); IV научно-практическая конференция с международным участием «Актуальные проблемы современной когнитивной науки» (Иваново, октябрь 2011); VII Всероссийская научная конференция молодых учёных, докторантов, аспирантов и студентов «Философия и наука поверх барьеров: свобода и творчество в современном мире» (Белгород, апрель 2012); VI Российский философский конгресс: «Философия в современном мире: диалог мировоззрений» (Нижний Новгород, июня 2012); Международная научно-практическая конференция «Культурно-исторический потенциал модернизации: парадоксы российской ментальности» (Москва, АПРИКТ,

сентябрь 2012); VIII Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы науки» (Москва, январь 2013); Первая Всероссийская конференция с международным участием Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты» (Белгород, апрель 2013 г.) и др. (всего 52 мероприятия).

Положения и выводы диссертации были использованы при чтении курсов лекций по философии для студентов Белгородского государственного института искусств и культуры. По теме диссертации опубликовано 83 научных работы, в том числе 5 авторских монографий, 1 учебное пособие и 17 статей в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Диссертационная работа была обсуждена на заседаниях кафедры философии НИУ «БелГУ», на заседаниях кафедры философии и истории науки БГИИК и рекомендована к защите.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих 8 параграфов, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор и актуальность темы диссертационного исследования, показывается степень научной разработанности проблемы, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, дается характеристика методологических подходов и методов научного исследования, формулируются научная новизна исследования, положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость работы.

В *первой главе* «**Философско-методологическая экспликация границ науки**» на фоне сложного метаморфоза донаучных форм знания осуществляется рефлексия самополагания науки и «превращенных» форм знания, анализируются классические и современные подходы к исследованию «превращенных форм», посвященные диалектике

формообразования, методологии культурно-исторических и социальных метаморфозов иллюзорных, извращенных и превращенных форм.

В сопряжении с оппозиционными и альтернативными науке структурами мыследеятельности, идейными образованиями, демонстрирующими свою эпистемологическую нестандартность и гуманитарную нагруженность, реализуется экспликация понимания концепта «границы науки» в современной философии науки. На этом этапе особое внимание уделяется анализу негативных последствий, связанных с отсутствием единой универсальной методологической научной нормы как основы критики паранаучного «консорциума». В итоге формируется некое «смешанное» научно-паранаучное пространство, а традиционное понимание науки и научности становится аморфным по своей сути.

В первом параграфе *«Самополагание науки и превращенные формы знания»* осуществляется рефлексия самополагания науки и «превращенных» форм знания, показывается сущность «эффекта превращенности» для самополагания, самообоснования и жизнедеятельности любой сложной нелинейной системы.

Предпринятое намерение философско-методологического уточнения концепта «превращенные формы знания» позволило нам не только определить их специфику, проследить метаморфоз и функционирование подобных «превратностей» в целостных конкретно-исторических системах знания, но и установить связи между самополаганием наукой собственных границ и генерированием альтернативных форм знания на границах с наукой.

Рассматривая возможность применимости гегелевской логико-методологической схемы анализа понимания метаморфоза сложных систем и превращенных форм как моментов и условий их развития, мы отмечаем отсутствие у Гегеля прямого «интереса» к анализу переходных системных образований, деградированных, превращенных, извращенных или деструктивных форм, а тем более целостных систем. «Превращения» в таких системах классиками философии не рассматривались в качестве

деструктивных формообразований, а понимались как вполне закономерные, нормативно-органические продукты самополагания систем. На этом фоне для исследования различного рода псевдопредметностей, превращенных и извращенных форм огромное значение имеет методология Маркса, истолкованная и просвеченная, прежде всего, М.К. Мамардашвили, показавшего, что подобная форма существования выступает продуктом замещения, трансформации и превращения внутренних отношений той или иной сложной системы, происходящих на определенных уровнях и этапах ее развития и своими «косвенными выражениями» скрывающих «онтологическую» специфику внутрисистемных отношений. В этой «бытийственности», собственно, и состоит суть превращенной формы,

В массиве исследований, посвященным методологии культурно-исторических и социальных метаморфозов иллюзорных, извращенных и превращенных форм мы прибегаем к тем из них, где представлены основные *типы превращенных формообразований*. *Первый тип* – это замещение реальных связей и взаимосвязей системы «косвенными» формообразованиями, выражающийся в *переворачивании* фундаментальных *содержательных определений* внутренних взаимосвязей системы). *Второй тип* представлен замещающими квазиобразованиями, выражающими *качественно иную «предметность» и «содержательность»* (содержательными трансформациями системы). *Третий тип* видообразований – это «извращенные формы», квазиобразования и построения, самым превратным образом *полностью замещающие действительные взаимосвязи* системы квазипредметностями косвенных выражений. Опора на данную типологию позволила уточнить, что радикальное отступление от «нормы» («границы») системы или «нормальной системы»^{*} (тем более от «нормального» метаморфоза нелинейных и органических систем и диалектики формообразования) обнаруживается лишь

* Что считать при этом «нормой» и «нормальной системой» всегда остается открытым вопросом.

у третьего, наиболее трудного для содержательного анализа варианта превращенных форм. В любой достаточно сложной нелинейной системе обязательно могут существовать структуры, которые не несут основной «системной нагрузки», не играют существенной роли в процессах самополагания и самообоснования системы. Мы здесь и получаем эффект превращенности, который в определенных условиях доходит до степени извращенности, иррационализма и деструктивности (антисистемности). Они являются закономерными моментами развертывания и самополагания (метаморфоза) любых сложных систем на всех их стадиях – от генезиса до гибели (эффект превращенности и делает их гибкими, открытыми).

В связи с тем, что вопрос самополагания науки и ее границ решается на фоне сложного метаморфоза донаучной и ненаучной познавательной активности человека, которая, со своей стороны, объемлет собою широкий комплекс когнитивных феноменов, необходимых для воспроизводства и развития социальной жизни, возникает потребность в уточнении смыслов понятия «ненаучное знание» с позиции его понимания как превращенной формы знания. В литературе под ненаучным знанием чаще всего принято понимать многообразные формы знания и практики, не являющиеся областью компетенции науки. Их выражают «другие» формы знания и познания (художественное постижение мира, обыденное сознание, религиозный опыт и т.д.), обладающие высокой социокультурной ценностью и значимостью. Одного только указания на то, что ненаучное знание – это «отличное от науки знание», которое генерируется в «иных», отличных от науки областях культуры и не наносит ей вреда», явно не достаточно и в некотором смысле даже ущербно. Включение маргинальных форм знания наряду с культурно самоценными формами духовного производства в ненаучный комплекс и закрепление этого факта в имеющихся дефинициях «ненаучного знания» нельзя считать правомерным.

Как правило, ситуация напряженности возникают вокруг другой части ненаучного комплекса – *маргинальных форм* знания, функционирующих

«рядом» с наукой и «около» науки, что и фиксирует не только термин «паранаука», но и такие концепты как «новая», «новейшая», «продвинутая» наука, выдвигаемые в противовес прежней «консервативной», «косной» науке. Являясь превращенными замещениями, возникая и генерируясь на границах науки или же внутри нее самой (так называемая «методологическая оппозиция»), они не просто живут своей жизнью, но активно вторгаются во внутренние структуры науки, нарушая «привычный ход вещей» и доставляя научному сообществу немало хлопот.

С целью подчеркнуть внутреннюю неоднородность ненаучного знания и одновременно факт его демаркации от антинаучного («антинаука») допускается деление второго на подвиды, куда входят концепции, знания, верования, открыто претендующие на научный статус, а не просто существующие на границах науки в качестве превращенных (атавистических или иррациональных) форм. В результате складывается четко выраженная классификация, анализ которой позволяет подойти к важным обобщениям и выводам. «Другие», превращенные (ненаучные) формы знания не являются просто «отпечатками» наличной действительности, но столь же активно «чеканят», выстраивают мир. Они обнаруживают свою специфику через опыт ценностного, эмоционального отношения к миру. Отсюда вытекает как возможность и эффективность реализации диалога науки с ненаучными формами знания, оптимальной предпосылкой и бесспорным основанием которого выступает идея обоснованного равноправия участников, подготовленных идти на продуктивный контакт. Отношения «других» форм знания с «традиционной наукой», сложившись в ходе исторически выработанных представлений о науке и ее методах, часто носят драматическую окраску, будучи далеко не свободными от ходячих мифов и клише. Трудности также в том, что идея диалога между многообразными формами познания допускает различные ее интерпретации – в зависимости от понимания своей роли каждым из участников диалога.

Во втором параграфе *«Концепт «границы науки» в современной философии науки»* анализируется концепт «границы науки» и его новое измерение, связанное со смыслопорождающей деятельностью сознания, с переориентацией философского познания в направлении поиска экзистенциальных смыслов бытия современного человечества, актуализации индивидуально-личностного начала.

Значительная роль отводится исследованию границ науки в связи с совокупностью важных (интегративных и др.) тенденций на этапе эволюции новейшего научного знания и подпадающих под понятие «транснаука». Одновременно меняется и сама научная методология, опирающаяся на внутренние принципы науки и выходящая за границы внешнего принципа «материализма – атеизма». По-видимому, речь идет о выходе к новому типу научной методологии, в рамках которой допускается возможность обоюдного совмещения феномена субъектности и сознания, с одной стороны, и научных принципов критического познания в рамках «нематериалистического» типа мировоззрения, с другой.

В данной связи мы обращаемся к исследованиям в области трансперсональной психологии, обосновывающим окончательную не сводимость феномена возникновения жизни и разума к объектным выражениям (работы И. Ньютона, С. Грофа, Я. Стивенсона и др.), уточняя их сегодняшнюю актуализацию в связи с фундаментальными тенденциями и новациями в области формирования расширенного эписенсорного образа эмпирического базиса научного познания, выходящего за границы базовой чувственности человека и новых типов теоретического знания (научной метафизики) с сохранением его научности. Многие фундаментальные структуры и вопросы метафизики не могут быть в полной мере осмыслены в границах прежней сенсорности, традиционно ограниченной «кантовским» пятичувственным базисом человеческого типа познания.

Современные процессы в жизни общества и в области познавательного мышления «не отменяют» границ знания – они были и остаются, но уже в

другом сущностном своем качестве: рациональность, как умопостигаемость объективно общего, по-прежнему является специфической формой познания существенных связей реальности, объективных закономерностей, лежащих за пределами чувственного и эмоционального опыта человека. Вместе с тем, столь же очевидно, что знание само по себе системно и взаимосвязано, а все его формы и типы диффундируют друг в друга, образуя каждый раз новый конгломерат смыслов и значений, обнаруживают себя в столь разном, порой непредсказуемом опыте человека. Следовательно, и границы науки становятся более открытыми, более подвижными, гибкими, «мягкими», то есть в любом случае они уже «не те». По всей видимости, сегодня можно попытаться подойти к рефлексии науки и ее границ с позиции идеи синтетической картины мира, присущей всей истории науки.

Одновременно мы понимаем: такой переходный этап требует существенной «перестройки» структуры нашего мышления, освобождения из плена стереотипов. Тот факт, что наука XXI века не может быть адекватно представлена вне интегрального подхода, повышает требования к синтетической рефлексии современных переходных процессов со стороны, прежде всего, философии науки. Если мы не хотим, чтобы современный век предпочел науке деструктивные формообразования и альтернативные структуры мыследеятельности, важно не «сбрасывать науку со счетов», а принять ее новое состояние – в новых границах ее самополагания.

С позиции философской рефлексии определение «границ науки» (независимо от ее представленности в различных культурно-исторических системах знания) лежит в области понимания и трактовки «границ» как *меры этически возможного и допустимого* в познании и деятельности, в пределах которой удостоверяется самополагание науки и ее культурная самооценность как системы, призванной решать *экзистенциальные* проблемы человека и человечества. Мы склонны полагать, что сегодняшнее понимание границ науки, отвечая новейшим тенденциям развития современного знания, с необходимостью расширяется до «границ культуры», вмещая в себя и

синтезируя наряду с традиционными «непарадигмальные» онтологические схемы и картины исследуемой реальности. Это, однако, не означает, что наука как таковая «поглощается» «другими» эпистемологическими практиками, «растворяется» в широкой ненаучной сфере, смещаясь на периферию культуры и общественного сознания. Существо вопроса здесь в том, что концептуально новое понимание науки и научности с очевидностью предполагает и кардинально иное понимание границ, наполнение концепта «границы науки» неклассическими смыслами и содержанием, резонирующими как с расширением базиса науки, так и с глобальными перспективами человечества.

В завершении дается понимание исторических, социальных, гносеологических, эпистемологических, онтологических аксиологических и коммуникативных границ науки.

Вторая глава «Генезис, границы и метаморфоз классической науки» посвящена выявлению исторических и социокультурных предпосылок и генезиса новоевропейской науки, сопряженных с метаморфозом донаучных форм знания, в связи с чем возникает необходимость анализа сложного механизма их функционирования. С этой целью выявляются исторические границы и социокультурные предпосылки науки, показывается актуальность христианской теологии для понимания генезиса европейской науки; прослеживается генезис и гносеологические границы классической науки; исследуются эпистемологические границы и генезис паранауки как превращенной формы знания на границах научного дискурса.

В первом параграфе ***«Исторические границы науки: метаморфоз донаучных форм знания»*** обосновывается эффективность интегративного подхода для анализа предпосылок и границ науки на европейской почве, позволяющего не просто показать роль и значение теологического интеллектуального континуума в генезисе «опытной науки», но и вычленить когнитивную дисциплинарно-теологическую сторону предпосылок феномена

интеллектуальной революции XVII века, и, тем самым, показать, что вера в божественное творение была в числе главных предпосылок возникновения опытного естествознания.

В ходе анализа основных концептуально-методологических подходов по проблеме генезиса и границ науки критике подвергается абсолютизация проблемы генезиса научной формы познания и научных идей; отсутствие органических связей между социокультурными особенностями эпохи и качественной содержательно-когнитивной стороной научной революции Нового времени; приоритетный характер процессов кумулятивного накопления знания, в ущерб учету качественной специфики научной картины мира и роли скачка как решающего в рождении науки. Критический анализ базируется на выявлении отсутствия содержательной границы между «знанием вообще» и систематизированной наукой. Критике подвергается и негативное наследие «диатрибической традиции» (отождествление науки с философией; односторонне-прямолинейная трактовка и «выводной» характер генезиса науки из античной теоретической формы знания/episteme).

Далее, показано, что важной исторической и социокультурной предпосылкой генезиса науки являются донаучные формы религиозно-мистического рационализма, анализ сложного метаморфоза которых на границах средневекового разума и веры позволяет проанализировать их роль в рождении новоевропейской науки. Этому способствует существенная переоценка христианского «схоластического», «догматического» средневековья в направлении признания теснейшей связи генезиса и становления опытной науки с «теологическими опорами» (особенно с христианской догматикой, разрабатывавшей вопрос соотношения веры и знания). Средневековая теология дала образцы формирования дисциплин научного статуса; в ней берет начало и проблема движения знания, санкция на предметность научного познания и познавательную позицию ученого, послужившие важным эпистемологическим основанием создания новоевропейской науки. В границах средневековой гносеологической модели

общехристианский догмат о творении мира выступал значительным импульсом генезиса и развития новоевропейского естествознания, в последующем найдя свою «спецификацию» в «методе» Декарта и «универсальной характеристике» Лейбница.

Однако наиболее зримо радикальные изменения характера теологических представлений воплотили в себе неортодоксального типа мировоззренческие течения эпохи Реформации (спиритуализм – герметизм, эзотерическое движение) и религиозные идеологии (пуританизм, протестантство, янсенизм, унитаризм и др.), в атмосфере которых вызревала научная картина мира. На историческом и культурном фоне становления буржуазных отношений, пронизанных духом рационализма, они давали мощный объективный стимул к развитию и закреплению раннекапиталистических отношений. В свою очередь, формирование научной картины мира, выступало живительным импульсом для развития идеи «экспериментальной философии» как синтеза «учености» и ручного труда.

Значимым фактором в преломлении нового чувства дисциплинарного профессионализма, способствовавшего генезису опытной науки, выступал пуританский этос, аскетические императивы которого создавали широкую базу для научного исследования и возвышения его статуса. Обращение к изучению природы и ее закономерностей рассматривалось гарантией понимания смысла жизни и судьбы, одновременно выступая средством аскезы. Это была существенно важная культурно-историческая предпосылка для всех процессов по «перестройке» сознания и «образа мира» (идея «мира как механизма» вместо образа мира как организма с ее высокой морально-познавательной ценностью).

В тезаурусной ситуации эпохи XVII века общее проблемное поле для понимания процессов генезиса опытной науки и ее границ задает, существуя в пространстве единого дисциплинарного интеллектуального контекста, спиритуалистская теология творения («мистический опыт», «герметизм»),

которая, входя в определенные продуктивные конфликты и синтезы как с «традиционным» томизмом, так и с волюнтаризмом, была активным компонентом процесса формирования науки. В этих же конкретно-исторических границах Реформация активизировала и сделала массовыми эзотерические идеи, которые опять-таки развивались в русле «самостроительства». Идея спасения как центральная в неортодоксальных идеологиях реформаторов сочеталась с идеей систематического строительства «правильного пути» (метода), наглядно воплощая парадоксальность протестантского мироощущения. Тем самым идея и практика «самовозделывания», «техне» как самосозидания были подняты идеологией протестантизма до уровня обязательного требования, создавая предпосылочную основу для развития буржуазного типа отношений в сфере духовного и практического производства, что существенным образом способствовало генезису опытной науки.

Таким образом, различные формы неортодоксальных идеологий были неотъемлемой частью и одновременно предпосылкой процессов, проистекавших в духовной и экономической сферах в исторических границах практического рационализма. Наиболее знаковым результатом их воздействия стала радикальная перестройка сознания и нового отношения к миру.

Во *втором параграфе «Генезис классической науки и ее гносеологические границы»* в русле анализа специфики основных философско-гносеологических моделей на границах рационализма и сенсуализма выявляется универсальное значение декартовского «*cogito ergo sum*» и сенсуалистской «*tabula rasa*» как гносеологических границ человеческого познания; обосновывается значение данной оппозиции, сформулированной в рамках субъект-объектной парадигмы метафизического мышления для новоевропейской науки и философии; осуществляется философско-методологическая экспликация философских новаций немецких классиков Канта и Гегеля как наиболее как превращенной формы науки и

наиболее адекватной формы философской рефлексии научного рационализма (знания) Нового времени.

Прежде всего, мы подчеркиваем, что сегодняшнее переосмысление основных принципов новоевропейской рационалистической метафизики осуществляется через критику субъект-объектной парадигмы метафизического мышления, у истоков которой лежит картезианский принцип *cogito* с его классической установкой на постижение сознания. В существенной мере эти процессы связаны с разрушением идеала *episteme* как твердого и надежного знания, с утверждением факта его принципиальной гипотетичности, с бесперспективностью поисков незыблемого «фундамента» человеческого познания, и утопичностью создания учения «о твердом и надежном» знании («аргумент отчаяния»). При этом классикам философии (от Декарта до Канта) самым «прямым и надежным» путем по выявлению возможностей и границ человеческого познания представлялся рефлексивный анализ разума.

Мы склонны согласиться, что противоречивость модели мироздания, тяготение к традиционному объективизму, стали основанием критицизма в отношении картезианской методологии и модели субъективности. Однако нельзя отрицать другого: принцип «*cogito ergo sum*» кладется в основу современных экзистенциально-феноменологических размышлений о человеке, его сознании и его мире. «*Ego cogito*», взятое трансцендентально, выступает необходимой формой всякой актуальности – универсальное значение декартовского «*cogito*» – в его роли в системе рационального самоопределения человека и его деятельности. Именно в форме картезианской методологии были предзаданы парадигмальные установки классического рационализма, создан рационально-конструктивный образ познания и намечена программа философии научного знания; впервые в истории философской мысли обусловлена трактовка человека как автономного, разумного субъекта, мышление которого является единственным его самодостаточным сущностным определением, при том,

однако, что в рамках объект-субъектной парадигмы человек трагически оказался разделенным с реальностью.

Далее, в русле исследования специфики философского сенсуализма, мы показываем, что в границах сенсуалистической модели была создана и обоснована грандиозная идея происхождения всего корпуса знания из опыта, ощущений и рефлексии («*tabula rasa*» Локка); провозглашена широковещательная реформа по перестройке и упорядочению картины мира (программа «Великого Восстановления наук» Ф. Бэкона), углубленная программой Т. Гоббса, с положенным в ее основание принципом инерции^{*}. Свою наиболее основательную разработку сенсуалистическая модель познания получила у Кондильяка, философия которого была ориентирована в целом на создание общей теории познания. Фактически же границы познания (науки) согласно сенсуалистической модели, лежали в области комбинирования материала чувственного (внешнего и внутреннего) опыта, базируясь на принципе зависимости существования от восприятия».

Вскрывая творческую новизну радикальных философских идей немецкой классики (в лице Канта и Гегеля) для понимания границ и горизонтов классической науки, мы отмечаем, что у Канта горизонты познания отождествляются с «формальным сосудом», который «в бесконечном прогрессе к высшему благу» можно в принципе заполнить объективным и, что крайне важно, *нравственно безупречным* знанием. С этой же позиции гегелевская схема самодетерминированного логико-исторического движения герметизирует наличный опыт: рост «тела» научного знания «замыкается» на имманентной логике собственного развития в границах наличной практики. Здесь мы не находим основополагающей для научного творчества идеи об априорности всеобщего знания, фиксирующей логическое опережение опыта, момент выхода за границы наличного знания.

^{*} С точки зрения канона он является ориентиром поиска нового знания (полная потенция), органично вписавшегося в историю мысли не только своей эпохи, но и последующих поколений.

Несмотря на то, что у Гегеля впервые научное поступательное движение предстало не «россыпью», а автономной, целостной исторической реальностью (это безусловно важная философская новация), оно остается самодвижением знания с возможной логикой собственного развития. Если у Канта продуктом науки является устойчивый гетерономный синтез законов природы и нравственности, новое познавательное отношение, утверждающее безграничные горизонты познания, то у Гегеля подразумевается под таким лишь очищенный от эмпирии разум, взятый в его категориальной структуре.

Идея Канта о человеке, проходя сквозной линией через всю его философскую систему, определяет основное содержание его критики, острие которой направлено на традиционное теологическое понимание и трактовку науки. Мир Канта лишен «теологических костылей» (М.К. Петров) – посредством освобождения места вере была создана первая *свободная от теологии территория науки* с гетерономным синтезом свободы и необходимости. Собственно, границы этой области «чистого разума», это границы классической, «ньютонианской» науки с присущим ей «символом веры»: «гипотезы не должны рассматриваться в экспериментальной философии». В кантовской интерпретации данный манифест обретает статус и значение универсального принципа научной методологии. Кант четко указал на произвольный характер основных понятий о вещах как о причинах, понятиях о силах и действиях, если они не взяты из опыта (в таком случае они не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты).

В завершении мы указываем на востребованность современной философией науки идей великих классиков философии, которые впервые дали обоснование предмета научного знания, поставили проблему методов изучения процессов преемственного поступательного движения науки, указали моральные императивы деятельности ученого. В социально-исторических границах новоевропейской рациональности был осуществлен радикальный переворот в методологии, стратегиях, философии и обосновании (по) знания того времени.

В третьем параграфе «*Эпистемологические границы и генезис паранауки*» исследуются эпистемологические границы и генезис паранауки как маргинальной и превращенной формы знания на границах научного дискурса, выявляются культурно-антропологические и эпистемологические основания генезиса паранаучных образов; обосновывается необходимость выработки более адекватной новым эпистемологическим (и культурным) реалиям системы взаимоотношений в сфере «наука – паранаука».

Отмечая не вполне удовлетворительную, на наш взгляд, ситуацию с дефиницией «паразнания» (да и общего ответа на вопрос «что же такое паранаука?»), мы сочли возможным предложить собственное философско-методологическое понимание и трактовку этого сложного и неоднозначного феномена, подойти к его анализу с позиции идеи «превращенной формы» и «эффекта превращенности». Критический анализ паранаучного знания и соответствующих практик реализуется с точки их интерпретации как *деструктивных превращенных форм*, т.е. подсистем, мимикрирующих «под науку», имитирующих ее способы самополагания и в существе своем мешающих «нормальному» существованию, жизнеобеспечению системы «научного производства». Одновременно мы указываем на культурно-антропологические и эпистемологические основания генезиса паранаучных образов как кульминацию кризиса классического типа науки на выходе к неклассическим горизонтам познания.

Рассматривая паранауку как деструктивное формообразование, мы особую роль уделяем исследованию причинно-следственных факторов регенерации *паразнания* и *парапрактик* в сегодняшней стадии так называемого «окультурного ренессанса», а также даем анализ паранаучного феномена как специфического типа культуры, которому в последнее время активно придается «флер» научного знания, и приходим к общему выводу о комплексном, системном и взаимообусловленном характере этих совокупных процессов. Мы считаем, что многие проблемы, нежелательные «побочные эффекты», усиливающие напряженность (противостояние и конфликтность)

в данной сфере («наука – паранаука», а шире – «наука – ненаука») объясняются когнитивными трансформациями в самой науке, куда вовлечен весь горизонт социальных и культурных факторов; гетерогенностью ее природы; запаздыванием интегративных процессов дифференцирующегося научного знания, которые усугубляют расчлененность науки на отдельные, слабо стыкующиеся между собой области. Одновременно считаем важным подчеркнуть связь этих процессов со спецификой культуры постмодерна, расширяющей плюральное поле мировидения и познавательное пространство (в том числе для нетрадиционных и экзотических дискурсов): сам факт демаркации и «демаркационных линий» в русле когнитивной стратегии постмодернистской парадигмы приобретает значение анахронизма. В результате серьезных девальваций в сфере методологии (отсутствие единой методологической нормы, утрата наукой единых методологических ориентиров, дефекты методологического сознания ученых, разрушение основ традиционной научной критики «параконсорциума») наука попадает в особую «зону риска», порой смещаясь на периферию культуры.

В завершение нами излагаются основания для пересмотра модели взаимоотношений в сфере «наука – паранаука». При этом мы исходим из теоретической легализации факта присутствия объективного и необходимого в современном мире сосуществования. Такой подход позволяет проследить потенциальную возможность диалога в сфере «наука – паранаука» и поднять его до уровня проблемного взаимодействия, исходя из принципа взаимодополнительности разных познавательных стратегий и форм мыслительной деятельности. Также он не противоречит философскому пониманию знания как диалектически целостной, динамично развивающейся системы, функционирующей в сложном социокультурном контексте и на пересечении многообразных познавательных площадок. Общая фундаментальная проблематика демаркации науки и ненауки может оказаться при таком подходе развернутой в несколько иное, более продуктивное для ее адекватного решения русло – в сторону целостной

концепции знания, его *комплиментарной модели*. Тем более, что в определенном смысле такое движение признается и аттестуется современным науковедением как «набирающее силу». Отдельным вопросом здесь стоит кризисная «российская почва», особо благоприятная для расцвета паранауки (разрушение целого ряда прежних структур научной и учебной деятельности; потеря возможности социальной и культурной мотивации научно-исследовательской деятельности, специфический и отчасти агрессивный характер культурной реакции общества на науку, падение ее престижа и т.д.).

Для смягчения или «снятия» напряженности между научными и оппозиционными (альтернативными) науке структурами мыследеятельности и для реализации творческой энергии последних одно из решений может быть найдено в русле создания независимой альтернативной площадки (специализированного печатного органа). Такая мера наряду с другими «плюсами» снизила бы тенденцию мимикрирования под «настоящую науку», что облегчило бы задачи *института экспертизы*, разгрузив его работу за счет сокращения резервуара паранаучной продукции, попадающей в поле зрения экспертов. В целом мы постарались отразить существо кризисных процессов науки классического типа и его совокупной визуализации в паранаучных образах.

Третья глава «Границы неклассической науки и превращенные формы знания» посвящена анализу границ неклассической науки в сопряжении с «другими» формами знания. В русле ее проблемного поля выявляются социальные границы науки в диапазоне от антисциентизма к горизонтам неклассической науки, исследуются границы и противоречия между сциентистской (технократической) и антисциентистской мировоззренческими ориентациями. Осуществляется исследование онтологических и эпистемологических границ неклассической науки и «другого» знания; обосновывается необходимость нравственного обеспечения современных стратегий научного поиска. Рассматриваются

коммуникативные границы и аксиологические парадоксы «альтернативной науки» как превращенной формы знания в условиях специфики культуры постмодерна, на этапе «коммуникативного поворота» анализируются связи между самополаганием науки и генерированием альтернативных форм знания на границах с наукой.

В первом параграфе *«Социальные границы науки: от антисциентизма к горизонтам неклассической науки»* на фоне уточнения специфики марксистского и позитивистского сциентизма как превращенной формы и идеологии классической науки реализуется критика философского иррационализма и антисциентизма; выявляются границы и противоречия между сциентистской (технократической) и антисциентистской мировоззренческими ориентациями; дается философско-методологическое определение «социальных границ» науки.

На фоне возрастающей роли философской рефлексии результатов научно-технического прогресса для исторических судеб человечества культурная реакция общества на науку крайне неоднозначна – от апологетики до ее радикальной критики. Характерно, что скептический вызов все чаще идет из недр самой науки, выливаясь в антиномию «сциентизм – антисциентизм», зеркально отражающую взаимоотношения «общество – наука». Эпистемологические основания данной антиномии находят выражение в воссоздании гносеологических образов и концепций науки. Принимая во внимание данное обстоятельство, логику последующего изложения мы выстраиваем посредством выявления границ и противоречий между сциентистской и антисциентистской мировоззренческими ориентациями, обратившись к рационалистической философии (и идеологии) позитивизма, последовательно развивавшей наиболее радикальную линию сциентизма.

Далее мы прослеживаем «восхождение» позитивистско-сциентистской гносеологической парадигмы к постмодернистскому дискурсу^{*}. Эта задача реализуется нами посредством культурно-исторической и философско-методологической экспликации моделей познания, стоявших у истоков антисциентистского движения в недрах классической европейской культуры рубежа XVIII-XIX веков. Это, прежде всего, романтизм, отреагировавший на однолинейность просветительского рассудка, ставший своеобразной рефлексией на чрезмерную рационализацию, и иррационалистическая модель, которая также родилась с крайностями философского рационализма. Разные формы философского иррационализма правомерно рассматривать как попытку решения проблемы совместимости базовой установки европейской культуры, воплотившейся в явном виде в рационалистической научной традиции, со специфической формой новоевропейского гуманизма с выраженными индивидуалистическими тенденциями. На выходе к горизонтам неклассической науки философские концепции иррационализма и разные формы антисциентизма правомерно считать кульминацией кризиса науки классического типа.

В ходе анализа философских концепций иррационализма как специфической, интеллектуальной реакции на крайние формы догматического сциентизма установкой на апологетику рационального познания и науки, автор обращается к идеям А. Бергсона, эволюция взглядов которого отражала эволюцию европейского философского сознания в целом, Ф. Ницше, Ф. Шеллинга, А. Шопенгауэра, Э. Гуссерля, В. Дильтея, О. Шпенглера, М. Хайдеггера, К. Ясперса, Х. Гадамера, а также к эпистемологии «неявного знания» М. Полани, в область которой попадает соотношение фактологического объективного мира с неформализуемым

* Хотя и сегодня, разумеется, сохраняется сильная традиция, по которой анализ гносеологических проблем научно-познавательной деятельности, философский и методологический анализ науки осуществляется с позиций марксистской и позитивистской рациональной философии, областью установок и методологической программой которой определяются границы и «сфера влияния» классического сциентизма.

внутренним миром человека. Уточняется сегодняшняя востребованность ряда стержневых идей его эпистемологии (в частности, о невозможности полной алгоритмизации и формализации познания).

Выявившиеся деструктивные и антигуманные издержки техногенной цивилизации продолжают стимулировать активную антисциентическую оппозицию, в эпицентр критики которой попадают основанная на науке техника и ее использование, идеология догматического сциентизма, институциональные структуры науки, место и роль науки в социуме. Примечательно, что эти аспекты сопрягаются с радикальной критикой науки как социального института П. Фейерабенда, с идеями Т. Куна, «развенчавшего» просвещенческий образ науки и задавшего ориентиры для рефлексии социальной роли науки в обществе и ее нравственности. Модели науки, созданные в русле разных форм антисциентизма, отличаются признанием эффективности и гуманности других (а не только научных) форм познания и мышления, без отождествления стандарта знания с познанием как таковым.

В завершение уточняется понимание социальных границ науки, роли широкого контекста научно-познавательной деятельности, в котором на рефлексивном уровне должна выступать социальная значимость знания, а не проблема его роста, как это нередко происходит.

Во *втором параграфе «Онтологические и эпистемологические границы неклассической науки и «другое знание»»* определяются онтологические границы и горизонты науки, «другого» знания и человека, исходя из этически возможного и допустимого в науке; обосновывается понятие «самоценности жизни» с позиции всеобщего познавательно-ценностного принципа научного исследования. В русле процессов, происходящих в современной философии науки, обостривших проблематику объективности и истинности научного знания, выявляются эпистемологические границы современной неклассической науки в сопряженности с «другим знанием».

Онтологические границы науки выявляются в качестве экзистенциальных, метафизических измерений человеческого бытия, отражают факт признания человека высшей (абсолютной) ценностью мироздания и соизмеряются с понятием самоценности жизни «самой по себе». С учетом этого, *онтологические границы* задаются нами в качестве нормы, утверждающей онтологическую целостность и «статус кво» человека и человечества, апеллирующей к социальной ответственности ученых. В подобном ключе автор подходит к осмыслению места и роли научного сообщества, формообразующим ингредиентом убеждений которого должна выступать максима о возможном и допустимом в науке (как и в любом «другом» знании). Особая роль в данном процессе возлагается на методологическую культуру и *методологическую честность ученого*. Далее в контексте задач и запросов биоэтических проблем проблематизируется меж- и трансдисциплинарная роль биоэтических комитетов по концентрации усилий в выработке оптимальных нравственных решений, а также института гуманитарной экспертизы.

Реализуя анализ *эпистемологических границ*, мы склонны заключить, что в реалиях постмодернистской культуры традиционные механизмы апелляции к любому унифицированному и «нормированию», «стандартизации» знания себя не оправдывают. Согласно допущению автора, было бы правильнее говорить о качественно ином уровне «предметности» и «содержательности» научной нормы (и границы), об ином их измерении, по сравнению с теми, которые сложились в ходе эволюции науки и сосредоточить методологические поиски в данном направлении.

Ситуация такова, что отказ от нее сводит на нет традиционную научную критику деструктивных, превращенных формообразований, и тем самым стимулирует порождение неадекватных образов науки, обостряя в очередной раз «классическую» наболевшую проблему демаркации науки и ненауки. Более того, в условиях кризиса (говорится и о «крахе», «крушении») классической методологии признание «нецелесообразности» единого

методологического нормирования окажется судьбоносным для самополагания, самообеспечения науки как таковой, прелюдией вытеснения науки на периферию культуры. В этой связи для нас очевидна актуализация диалектических подходов и решений, лежащих не на пути огульного отказа от методологической нормы и нормирования, но в русле выработки новой модели ее понимания и трактовки, которая бы адекватно удовлетворяла сегодняшним реалиям на эпистемологическом пространстве, границы которого, как мы показываем по ходу работы, неуклонно расширяются, отвечая духу «культуры модернити». Мы рассматриваем возможность придать представлениям о норме научного познания качественно иной эпистемологический и социокультурный статус – быть основой для конструктивной разработки, совершенствования и обогащения методов научного познания. Одновременно подчеркивается, что различие широкого спектра форм знания только по когнитивным признакам не только неэффективно, но нецелесообразно, поскольку тогда утверждаются преимущества естественнонаучного дискурса перед другими образцами знания, а вопрос о ненаучных феноменах ментальности и культуры снимается сам собой как очередной «анахронизм». К тому же абсолютизация когнитивизма побуждает к поиску альтернативной методологии.

Поскольку наука дает образцы критического и рефлексивного мышления, без которых вообще не может существовать современная культура, постольку идея научной рациональности несет важнейший мировоззренческий смысл. В то же время столь же очевидно и другое: если наука с предельным радикализмом игнорирует в своих исследованиях даже сугубо частный феномен и отказывается от объяснения их как таковых, это ведет к свертыванию универсума самой науки. Мы убеждены, что осмысление особенностей постнеклассического миропонимания обретает сегодня значение фундаментальной философской проблемы, результаты решения которой актуальны для формирования современной науки и ее границ в естественнонаучном и гуманитарном измерениях. Невозможно (да и

не нужно) «заключить в скобки» все экзистенциональные, истинностные и ценностные суждения и пытаться выразить в терминах дискурсивного разума тайну «закодированного» человеческого сознания.

В *третьем параграфе «Коммуникативные границы и аксиологические парадоксы «альтернативной науки» как превращенной формы знания»* исходя из основных концептообразующих подходов к анализу и трактовке науки раскрывается сущность «коммуникативного поворота» и выявляются связи между самополаганием науки и генерированием альтернативных форм знания и стратегий на границах научного дискурса; рассматриваются коммуникативные границы и аксиологические парадоксы «альтернативной науки».

Прежде всего, мы уточняем, что с позиции «риторического подхода» к анализу науки, она трактуется как «нарратив», «повествовательный дискурс», где в анализе научного знания решающая роль принадлежит средствам неориторки, которая, в свою очередь, рассматривается в качестве альтернативы пространственно-временных моделей исследования мира. Выявленная специфика коммуникативного типа науки позволила интерпретировать ее *коммуникативные границы* как алгоритм поведения, видов компетенции и социальности коммуникативных сообществ, которые признают «социабельность» всякого знания и действия. При этом коммуникативность знания предполагает выявление и исследование когнитивных феноменов, различных форм дискурса с позиций размерности, то есть социабельности знания, коммуникативного действия и коммуникативного сообщества, изначально ориентированных на взаимопонимание и признание со стороны «Другого», поднятого до уровня осмысления методологии как правил дискурса и коммуникаций.

Трансцендентальным условием всякого коммуникативного действия выступает принцип универсализации, воплощенный в нормативно-правовой этике дискурса. Отсюда очевидно, что *внутрикоммуникативные границы* науки задаются внутренними нормами научного сообщества (как системы

когнитивных правил, исторически сложившихся в формах коммуникации), формирующих алгоритм общения и поведения всех членов-участников коммуникации. *Внешние границы* коммуникаций выстраиваются на основе взаимодополнительности, фиксируясь через сопряжение всех единиц коммуникативного сообщества.

Реализованный анализ коммуникативной науки как «альтернативно-оппозиционной» (по отношению к государственной науке) позволил нам более глубоко раскрыть роль конструкции научной коммуникации в значении фундаментального пласта науки, а самого коммуникативного сообщества как единой, коррелирующей друг с другом, множественной целостности, устремления которой лежат в области оптимизации эвристического ресурса научного знания – основного двигателя прогресса на этапе XXI века. В наиболее общем виде альтернативная наука идентифицируется нами как превращенная (отчасти – маргинальная) форма знания (и идеологии), обычно позиционирующая себя в качестве «передовой», «продвинутой» науки, выходя за рамки традиционных представлений о науке. Под понятие «альтернативного знания» подпадают оппозиционные и альтернативные науке, «не вписывающиеся» в «нормальную науку» маргинальные структуры мыследеятельности (знания и практики); нетрадиционные формы жизни, а также альтернативные («иные») миры, специфика и нестандартность которых выражается в их нетрадиционной эпистемологической «нагруженности», во внешней эпатажности, в демонстрации оригинальности и псевдоновизны идей. Выступая одним из типов превращенных формообразований альтернативные формы знания (и сознания) существуют в самых разных способах и формах многообразной, разноплановой человеческой деятельности. Разворачивая свой альтернативный дискурс, они в известной мере стимулируют развитие «официальной» науки.

Опираясь на современные концепции коммуникативного действия и проделанный анализ феномена альтернативной науки, мы приходим к

выводу, что, выводя «за скобки» отношения науки с альтернативными стратегиями и оппозиционными формами знания или же рассматривая их изолированно от исторического генезиса многообразных когнитивных форм и культурного контекста, в котором они вызревали и в известной мере были обусловлены, нельзя понять природу самой науки и логику развития научной рациональности. На основании анализа высокой роли контекста межличностного общения между коммуникационными сообществами допускается, что данный «генетический» фактор, укорененный в «природе» науки, может быть положен в основание модели, объединяющей «альтернативно-оппозиционное» знание и государственную, «официальную» науку на единой площадке широкого познавательного пространства и толерантного диалога.

В **заключении** подводятся итоги работы, формулируются выводы, намечаются перспективы дальнейшего развития основных идей диссертационного исследования.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монографии и учебные пособия:

1. Проблема достоверного исторического факта в контексте специфики исторической науки. Деп. ИНИОН РАН. № 55563, 20.04.2000. - 120 с. [referun.com](http://referun.com/n/filosofsko-kulturologicheskie)/n/filosofsko-kulturologicheskie.
2. Наука: прерванный триумф (философско-культурологическая рефлексия динамики научной рациональности): монография / Г.Н. Калинина. – Белгород, 2008. – 326 с.
3. Наука и «другое» знание (социально-историческая и методологическая экспликация): монография / Г.Н. Калинина. – Белгород, 2010. – 226 с.
4. Границы науки и превращенные формы знания: монография / Г.Н.Калинина. – Белгород, 2012. – 292 с.
5. Наука и культура: сопряженность дискурсов: учебное пособие / Г.Н. Калинина.– Белгород, 2011. – 185 с.

Коллективные монографии:

6. Наука и философия: классические, неклассические и постнеклассические парадигмы: колл. монография / под ред. проф. В.П. Римского. – Белгород, 2008. – 470 с. – С. 46-101.
7. Ландшафты культуры: коллективная монография / Отв. ред. В.Г. Туркина. – Белгород, 2011. – 288 с. - С.73-91.
8. Концепты культуры и концептосфера культурологии: коллективная монография / Под науч. ред. Л.В. Никифоровой и А.В.Коневой. – СПб., 2011. – 381 с. – С. 45-57.
9. Антропология творческой субъективности и креативности: коллективная монография / Отв. редактор О. К. Румянцев. – СПб., 2013. – 310 с. – С. 209-224.

Статьи в периодических изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

10. Рациональность как основополагающий принцип европейской культуры // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. Серия «Философия. Культура. Наука». – Вып. 3(18). – Белгород, 2006. – С. 210-215 – (0,5 п.л.).
11. Сущностные особенности паранаучного знания в современном социокультурном контексте // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. Серия «Философия. Культура. Наука». – Вып. 2 (17). – Белгород, 2006. – С. 271-277 – (0,5 п.л.).
12. Проблема поиска идеала научности в условиях формирования новой иерархии общечеловеческих ценностей // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – Вып. 1. – Саратов, 2009. – С. 12-17 – (0,7 п.л.).
13. Наука – паранаука – человек в условиях модернизации современного типа цивилизационного развития // Известия ТулГУ. Серия «Гуманитарные науки». Вып.1. – Тула, 2009. – С. 29-36 (0,7 п.л.).
14. Диалог человека и мира в менталитетах техногенной культуры как исторический «вызов времени» // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – Вып.10. – № 16 (71). – Белгород, 2009.– С. 194-201 (0,8 п.л.).
15. Динамика образа научной рациональности сквозь призму радикальных изменений в основаниях постнеклассической науки // Известия ТулГУ. Серия «Гуманитарные науки». - Вып.1. – Тула, 2011. – С. 22-30.(0,8 п.л.).
16. Практический рационализм капитализма как граница классической науки // Вестник ПГЛУ. – № 2. – Пятигорск, 2012. – С. 373-376. (0,5 п.л.).
17. Границы рационального дискурса и «других» мыслительных стратегий в контексте постмодернистской парадигмы // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 2 (97). – Вып. 15.– Белгород, 2011. – С. 17-25. (1 п.л.).
18. Философия как «превращенная форма» научного рационализма: Кант и Гегель // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – Вып. 4. – Саратов, 2011.– С. 7-10. (0,5 п.л.).
19. Специфика сенсуалистской познавательной модели: историко-философская и методологическая экспликация // Гуманитарные и социально-экономические науки. – № 1. – Ростов-на-Дону, 2012. – С. 19-22 (0,4 п.л.).
20. Философский иррационализм и генезис паранауки на границах науки // Гуманитарные и социально-экономические науки. – № 2. – Ростов-на-Дону, 2012. – С. 14-18 (0,5 п.л.).
21. Рациональная и паранаучная формы миропонимания // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 8 (127). – Вып. 20. – Белгород, 2012. – С. 254-260 (0,7 п.л.).
22. Донаучные социально-когнитивные формы в генезисе научного познания: концептуальная разнородность подходов // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 14 (133). – Вып. 21. – Белгород, 2012. – С. 37-45. (0,5 п.л.).
23. Миф как «превращенная форма» знания и граница античного рационализма (к вопросу о генезисе науки) // Знание. Понимание. Умение. Серия «Гуманитарные науки: теория и методология». – № 1 (345) 2013. – Москва, 2013. – С. 60-64. (0,5 п.л.)
24. Самополагание науки и превращенные формы знания // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 20 (139). – Вып. 22. – Белгород, 2012. – С. 28-39. (0,8/0,4 п.л.) (в соавт.).
25. Социальные границы науки: от антисциентизма к горизонтам неклассической науки // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. Серия «Естественные и гуманитарные науки». – № 5. – Белгород, 2013. – С. 229-232 (0,6 п.л.);

Статьи в других научных изданиях:

26. Правда истории как источник духовного спасения // Передовые технологии в промышленности и строительстве на пороге XXI века: сб. докладов международной конференции, школы-семинара молодых ученых и аспирантов в 3-х частях. – Белгород, 1998. – С. 1098-1099 (0, 2п.л.).

27. Достоверный исторический факт и духовное возрождение российского общества // Духовное возрождение: сб. научных трудов. Вып. I. – Белгород, 1999. – С. 103-116. (0,8 п.л.).
28. Нравственный аспект фальсификации исторических фактов // Духовное возрождение: сб. научных трудов. Вып. II. – Белгород, 1999. – С. 217-223. (0,7 п.л.).
29. К вопросу о месте и роли историка-исследователя в формировании национального самосознания // Духовное возрождение: сб. научных трудов. Вып. III. – Белгород, 2000. – С. 224-226. (0,2 п.л.).
30. Факт науки как средство ценностного подхода в системе отношений: «человек-природа» // Духовное возрождение: сб. научных трудов. Вып. III-IV. – Белгород, 2000. – С. 114-116. (0,2 п.л.).
31. Утверждение истины в истории как фактор духовного возрождения российского общества // Материалы II межвуз. конференции молодых ученых, аспирантов и докторантов «Духовная жизнь и культура российской провинции». – Белгород, 2001. – С. 208-210. (0, 2 п.л.).
32. Философско-культурологический рационализм в интерпретации истории Гегелем // Современные проблемы подготовки специалистов: сб. Материалов научно-практической конференции к 70-летию мед. колледжа. – Белгород, 2002. – С. 92-94. (0,1 п.л.).
33. Герменевтическая культурологическая модель интерпретации исторических фактов // Современные проблемы подготовки специалистов: сб. материалов научно-практической конференции к 70-летию мед. колледжа. – Белгород, 2002. – С. 94-99. (0,2 п.л.).
34. Интерпретация фактов отечественной истории как важнейший фактор становления гражданского общества и правовой государственности в современной России (философско-культурологический аспект) // Гуманитарные науки и юридическое мировоззрение: сб. докладов межвузовской научно-практической конференции. – Белгород, 2003. – С. 201-206. (0,2 п.л.).
35. Паранаука как культурный феномен конца XX – начала XXI века // Опыт духовного просвещения в современной системе образования: научно-богословский сборник. – Белгород, 2004. – С. 106-112. (0,6 п.л.).
36. Православие и паранормальные верования в современном российском обществе // Роль вузовской науки в обеспечении качества подготовки специалистов. Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции: в 2-х т.– Губкин, 2008. – Т.2. – С. 118-122. (0,5 п.л.).
37. Язычество как древнейшая форма мировосприятия и паранормальные тенденции в современной России: истоки и трансформация // Роль вузовской науки в обеспечении качества подготовки специалистов: Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции: в 2-х т.– Губкин, 2008. – Т.2. – С. 123-128. (0,6 п.л.).
38. Деструктивная роль электронных средств массовой информации в практическом решении проблемы духовности российского общества // Инновации и традиции в современном образовании и воспитании. Сб. материалов научно-практической конференции. – Старый Оскол, 2008. – С. 119-124. (0,3 п.л.)
39. Античное понятие души и его отражение в современной российской науке и паранормальных верованиях // Античный вестник. «Проблемы истории древнего мира и раннего средневековья». Вып. 5. – Алматы, 2008. – С. 321-337. (1 п.л.).
40. Деструктивные религиозные организации на территории современной России // Вторые Преображенские чтения: традиции и инновации в этнокультурном пространстве современной России. Сб. материалов международной научно-практической конференции. – М., 2008. – С. 119-127. (0,5 п.л.).
41. Девиации в исторической науке и их резонанс в культурно-историческом сознании российского общества (философско-культурологическая рефлексия) // Российский интеллект: исторические судьбы и цивилизационные перспективы (К 190-летию

- И.С.Тургенева и 180-летию Н.Г. Чернышевского и Л.Н.Толстого). Сб. научных статей. – Саратов, 2008. – С. 45-50. (0,5 п.л.).
42. Наука – дети – культура: социально-этическая рефлексия // Музыкальный фольклор – детям: I региональные научно-творческие «Маничкины чтения» (г. Белгород, 30 ноября 2007 г.). – Белгород, 2008. – С. 193-197 (0,5 п.л.).
43. Самоценность жизни в условиях общества риска // Общество риска и кризис постиндустриализма. Сб. материалов Всероссийского симпозиума (24-25 апреля 2009). – Саратов, 2009. – С. 120-124. (0,5 п.л.).
44. Наука и гуманизм – проблема соотношения // Развитие личности через музыку, язык, общение: сб. материалов III региональной научно-практической конференции. – Белгород, 2009. – С. 161-165. (0, 5 п.л.).
45. Научный разум и самоценность жизни в условиях рефлексивно-рациональной культуры // Славянский мир: общность и многообразие. Сб. материалов международной научно-практической конференции (Саратов, 22-23 мая 2009 г.). – Саратов, 2009. – С. 49-53. (0,5 п.л.).
46. Динамика взаимоотношений «государство – церковь» сквозь призму проблемы духовности как исторического типа культурной ориентации // Социокультурное пространство регионов: традиции и современные тенденции. Материалы и доклады Всероссийской научно-практической конференции, 25 мая 2009 г. – Белгород, 2009. – С. 83-87. (0,5 п.л.).
47. Системно-синергетическая мировоззренческая парадигма познания и синергетического мировидения // Проблемы самоорганизации в сфере культуры и искусств. Часть I. Сборник докладов участников Всероссийской научно-практической конференции (Белгород, 9-10 октября 2009 г.). – Белгород, 2009. – С. 119-127. (0,5 п.л.).
48. Экзистенциальное одиночество европейского человека как кризисного субъекта техногенной культуры // Философия Мартина Хайдеггера и современность (к 120-летию со дня рождения философа): материалы Междунар. науч. конф. – Краснодар, 2010. – С. 149-154 (0,4 п.л.).
49. Научные и духовные начала в культуре и в мышлении: на пути к синтезу // Актуальные научные исследования БГИКИ. Сб. докладов Первой внутривузовской научно-методической конференции БелГИКИ (16 декабря 2009 г.). – Белгород, 2010. – С. 280-285. (0,5 п.л.).
50. Наука – паранаука как феноменологические основания познавательного мышления: сопряженность дискурсов // Город и наука: анализ рискогенных территорий. Сборник научных статей. – Саратов, 2010. – С. 131-137. (0,5 п.л.).
51. Историческая реконструкция как фактор духовного воспитания молодежи в обществе риска // Город и наука: анализ рискогенных территорий. Сборник научных статей. – Саратов, 2010. – С. 143-149 (0,5/0,25 п.л.). (в соавт.).
52. Разумно – всегда ли человечно? (Аксиологические границы науки и «другого знания») // Креативность в пространстве традиции и инновации: Третий Российский культурологический конгресс с межд. участием. Тезисы докладов и сообщений. – СПб, 2010.– С. 32. (0,1 п.л.).
53. Русская идентичность и «архив поколений» в менталитете техногенной культуры // Философские проблемы понимания в культуре и науке. Материалы международной научной конференции «Шестые Страховские чтения». – Белгород, 2011. – С. 259-263. (0,5 п.л.).
54. Мифологизированная история как ресурс инструментализации прошлого. Образование в современном мире: Сб. науч. ст. Выпуск 6. – Саратов, 2011. – С. 201-205. (0,5 п.л.).
55. Превращенные формы религиозно-мистического рационализма и вера как граница средневекового разума // Общественные науки. Всероссийский научный журнал. Изд-во МИИ Наука. – М., 2011. – С. 23-34. (1 п.л.).

56. Сциентизм и антисциентизм: социально-культурная симптоматичность антиномии. Сборник материалов международной научной конференции 19-21 апреля 2011. XV Юбилейные Царскосельские чтения. Евразийский опыт: культурно-историческая интеграция / Т.Ш. – СПб, 2011. – С. 184-187. (0,4 п.л.).
57. Образование студенческой молодежи на пути в будущее: горизонты интеллектуальных траекторий // Собрание Научно-образовательного культурологического общества: материалы IV Собрания НОКО, научно-практической конференции, коллоквиума, научно-практического семинара, круглого стола и Второй Герценовской школы практической культурологии 15 - 17 апреля 2010 г. – СПб., 2011. – С. 264 – 272 (0,5 п.л.).
58. Перипетии века и границы компетенции разума (философская рефлексия). Сб. материалов научно-практической интернет-конференции (с международным участием) «Интеллектуальный и инновационный потенциал поколений в развитии местных территориальных сообществ» (20-25 октября 2011 г.). – Губкин, 2011. – С. 31-34. (0,5 п.л.).
59. Проблемы познавательного мышления на фоне постмодернистской культуры // Культура и ее объекты: стратегия и техники исследования. Сборник научных статей. Вып.1. – Белгород, 2011. – С.4-16. (1 п.л.).
60. Проблемные поля культурно-исторического сознания в образовательном процессе // Сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции «Методология и технологии высшего образования в информационном обществе» (6-7 сентября 2011г.). - Сочи, 2011. – С. 49-53.(0,4/0,2 п.л.) (в соавт.).
61. Онтологические и эпистемологические границы науки и «другого» знания и человека // Проблемы самоорганизации в сфере культуры и искусства. Сборник докладов II всероссийской научно-практической конференции (Белгород, 6-7 октября 2011). – Белгород, 2011. – С. 27-33. (0,5 п.л.).
62. Межкультурное взаимодействие в пространстве социального знания // Проблемы самоорганизации в сфере культуры и искусства. Сборник докладов II всероссийской научно-практической конференции (Белгород, 6-7 октября 2011). – Белгород, 2011. – С. 33-36. (0,5/0,25 п.л.) (в соавт.).
63. Проблема когерентности разума и культуры в спектре познавательных ориентиров // Актуальные проблемы современной когнитивной науки. Материалы четвертой всероссийской научно-практической конференции с международным участием (20-21 октября 2011 года). – Иваново, 2011. – С. 214-216. (0,4 п.л.).
64. Превращенные формы знания как «другие» формы ментально-когнитивного и рационального освоения мира // Экспертъ. Научно-аналитический журнал. – № 2 (февраль). – М., 2012. – С. 40-44.
65. Понятие «превращенной формы» как универсальный механизм при анализе границ научной рациональности и «другого знания // Философия в современном мире: диалог мировоззрений: Материалы VI Российского философского конгресса (Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г.). В 3 томах. Т. I. - Н. Новгород: Издат-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И.Лобачевского, 2012. – С. 305. (0,1 п.л.).
66. Философская проблематизация знания как понятия и феномена в новых условиях рефлексивности // Экспертъ. Научно-аналитический журнал. – № 8 (август). – М., 2012. – С. 18-23. (0,5/0,25 п.л.) (в соавт.).
67. «Игра» - иллюзия или реальность? // Философия и наука поверх барьеров: Свобода и творчество в современном мире: материалы VII Всероссийской научной конференции молодых учёных, докторантов, аспирантов и студентов. – Белгород, 2012. – С. 18-20- (0,3 п.л.). (в соавт.).
68. Апология и критика научной рациональности в постмодернизме: неклассические тенденции – подходы – смыслы // Философия и наука поверх барьеров: Свобода и творчество в современном мире: материалы VII Всероссийской научной конференции молодых учёных, докторантов, аспирантов и студентов. – Белгород, 2012. – С. 43-45 (0,3 п.л.).

69. Социокультурная реальность и социокультурные трансформации: рефлексия феномена игры // Материалы II международной конференции «Философия и искусство». – М., 2013. – С. 35-40 (0,5/0,25 п.л.) (в соавт.).
70. Научное – ненаучное: визуализация границ в «полях притяжения постмодерна» // Материалы II международной конференции «Философия и искусство». – М., 2013. – С. 40-46 (0,5 п. л.).
71. Границы интерпретации истории: конкретно-исторические и человеческие измерения // «Культурно-исторический потенциал модернизации: парадоксы российской ментальности». Сб. статей. – М., 2012. – С. 221-224 (0,5 п.л.).
72. Культурное содержание научной рациональности с позиций синергетического миропонимания: аксиологический аспект // Культурно-исторический потенциал модернизации: парадоксы российской ментальности» / Сб. статей. – М., 2012. – С. 260-265. (0,5/0,25 п.л.) (в соавт.).
73. Знание как понятие и феномен: философское и логико-методологическое понимание // Пространство культуры: проблемы философии и методологии. Сборник докладов заочной Всероссийской научно-практической конференции (Белгород, 22 мая 2012 г.) / Отв. Ред. Г.Н. Калинина. – Белгород, 2012. - С. 102-110. (0,5/0,25) (в соавт.)
74. Проблемные поля неклассического познавательного мышления // Пространство культуры: проблемы философии и методологии. Сборник докладов заочной Всероссийской научно-практической конференции (Белгород, 22 мая 2012 г.) / Отв. Ред. Г.Н.Калинина. – Белгород, 2012. – С. 110-117. (0,5 п.л.).
75. Поиск нравственного абсолюта в иерархии жизненных ценностей (к проблеме достоверности знания) // Материалы всероссийской молодежной конференции в рамках фестиваля науки (Астрахань, 19–21 сентября 2012). В 2-х томах. Т.1. – Астрахань, 2012. - С. 21-26.(4,75п.л.).
76. Право на культурное наследие: рефлексия культурно-исторического сознания // Школа молодых ученых в области культурологии и музееведения еврорегиона «Слобожанщина»: сборник докладов (Белгород, 17-18 мая 2012 г.). – Белгород, 2012. – С. 81-84. (0,3/0,15) (в соавт.).
77. Паранаука – маргинальное знание или спор за науку (В чьи паруса дует ветер века?) // Наука-искусство-культура. Научный рецензируемый журнал. Вып 1. – Белгород, 2012. – С. 94-102. (0,8 п.л.).
78. Антропоцентрическая перспектива научного и «другого» знания в современном обществе риска (рефлексия границ разума) // Город: рискогенное пространство. Сборник научных статей. – Саратов, 2012. – С. 3-7 (0,5 п.л.).
79. Потенциал библиотечного ресурса на границах современных социокультурных трансформаций (философско-культурологическая рефлексия) // Бренное и вечное: социокультурная драма истории между мифом и политикой: Материалы Всерос. науч. конф. 27–28 ноября 2012 г. – Новгород, 2013. – С. 29-33. (0,4/0,20 п.л.) (в соавт.).
80. Философско-методологическая экспликация понятия факта истории // Бренное и вечное: социокультурная драма истории между мифом и политикой: Материалы Всерос. науч. конф. 27–28 ноября 2012 г. – Новгород, 2013. – С. 196-200. (0,4 п.л.).
81. Исторический факт: культурно-исторический контекст и человеческие измерения // Бренное и вечное: социокультурная драма истории между мифом и политикой: Материалы Всерос. науч. конф. 27–28 ноября 2012 г. – Новгород, 2013. – С. 200-204. (0,4 п.л.).
82. Кант и Гегель: границы и горизонты классической науки // Актуальные вопросы науки: Материалы VIII Международной научно-практической конференции (35.01.2013). – М., 2013. – С. 125-127. (0,4 п.л.).
83. Духовность как абсолютная ценность человеческой личности и антипод греховности (рефлексия границ современного «рацио») // Евангелие в контексте современной культуры: / Материалы I Междунар. науч.-практ. – Белгород, 2013. – С. 104-108. (0,4 п.л.).